

Дискурсы этики. 2023, 1(17): 71—82

ISSN 2311-570X (online)

Постоянная ссылка:

http://theoreticalappliedethics.org/wp-content/uploads/2023/06/DE2023_1_17_71-82.pdf

УДК 17

ДИАЛЕКТИКА «КОЛЛЕКТИВНОЙ ВИНЫ» И КОЛЛЕКТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Ларионов И. Ю., Манаков Д. А.

статья:

поступила в редакцию 03.03.2023

принята к публикации 16.06.2023

опубликована (онлайн) 30.06.2023

© Ларионов Игорь Юрьевич

кандидат философских наук, доцент,

заведующий каф. философской антропологии Института философии Санкт-

Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия

адрес для корреспонденции: i.larionov@spbu.ru

© Манаков Дмитрий Александрович

кандидат философских наук,

преподаватель Кемеровского кооперативного колледжа, Кемерово, Россия

адрес для корреспонденции: antroposof@yandex.ru

Эта статья доступна в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

Аннотация. Цель авторов – рассмотреть представление о «коллективной вине» с точки зрения двух основных нормативных систем социума – права и морали, определить его границы и условия осмысленности, а также возможные пути решения вопросов, возникающих в связи с использованием этого понятия. В тексте анализируется содержание понятия вины в уголовном праве. Показана специфика понимания вины в праве в связи понятием виновного субъекта, в том числе в отношении публично совершаемых деяний. В статье рассмат-

ривается также применение морали для обоснования использования тех или иных правовых концептов в политическом дискурсе, и в частности – в связи с представлениями о «коллективной вине». Описывается взаимосвязь «коллективной вины» и категории ответственности – как в праве, так и в морали, в особенности – возможность моральной ответственности при отсутствии юридической вины. Показано, как слово «вина» обретает метафорическую функцию, обосновывается промежуточный вывод, что вместо «вины» в таком случае правильнее употреблять термин «ответственность».

Положения статьи соотносятся с теорией ответственности К.Ясперса. Также для анализа поставленных вопросов применяются современные теории моральной агентности (*moral agency*). Показано, что кризис классического понятия о субъективности не обязательно должен приводить к формированию представлений о возможности коллективного субъекта вины и ответственности. Наконец, рассматриваться феномен принятия на себя ответственности и конструирование агентом себя как субъекта коллективной вины. Высказывается предложение о возможности интерпретации данного феномена через теорию «проективизма» С.Блэкберна.

Актуальность статьи определяется современной социально-политической практикой, а рассматриваемые вопросы имеют несомненное теоретическое и прикладное значение как в области теории права, так и в философии и этике политики и права.

Ключевые слова: философия права, вина, коллективная вина, историческая ответственность, ответственность, моральный субъект, моральная агентность, К.Ясперс.

Статья подготовлена в рамках гранта РФФИ № 22-28-00379 «Трансформации морального агентства: этико-философский анализ»

Дискурсы этики. 2023, 1(17): 71—82

ISSN 2311-570X (online)

permanent link:

http://theoreticalappliedethics.org/wp-content/uploads/2023/06/DE2023_1_17_71-82.pdf

THE DIALECTIC OF «COLLECTIVE GUILT» AND COLLECTIVE RESPONSIBILITY

Larionov Igor, Manakov Dmitry

received 03.03.2023

accepted 16.06.2023

published (online) 30.06.2023

© Igor Yu. Larionov

Candidate of Science in Philosophy, Docent

Department of Philosophical Anthropology, Institute of Philosophy, Saint Petersburg State University, St.Petersburg, Russia

Correspondence to: i.larionov@spbu.ru

© Dmitry Al. Manakov

Candidate of Science in Philosophy

Kemerovo cooperative technical school, teacher, Kemerovo, Russia

Correspondence to: antroposof@yandex.ru

Candidate of Science in Philosophy

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

Abstract: In this essay we investigate the concept of «collective guilt» from the perspective of the two main normative systems of society, i.e. law and morality. We aim to determine its boundaries and conditions of meaningfulness, as well as possible ways of solving the problems arising in connection with the use of this notion. First, we give the content analysis of the concept of guilt in criminal law. We demonstrate the specificity of understanding guilt in law in relation to the concept of guilty subject as well as to publicly committed acts. We proceed with the examining the use of morality to justify the applicability of certain legal concepts in political discourse, and in particular, in connection with notions of «collective guilt». Further, we

give an account of the relationship between «collective guilt» and the category of responsibility - both in law and in morality. Most especially it is possibility of moral responsibility in the absence of legal guilt which is important here. We try to show how the word «guilt» acquires a metaphorical function, so we argue that it is the term «responsibility» that should be used instead of «guilt» in cases like this.

We compare our intuitions with of K.Jaspers's theory of responsibility. Recent theories of moral agency are also used to analyze the questions raised. We claim that the crisis of the classical concept of subjectivity doesn't necessarily lead to the justification of the possibility of certain collective agent of guilt and responsibility. Finally, we talk about the phenomenon of the assumption of responsibility and the way agent assert them self a subject of collective guilt. We suggest that doings like this could be interpreted through the theory of «projectivism» by S. Blackburn.

The relevance of this paper is determined by recent sociopolitical practice, and all those issues have great theoretical and applied significance both in the field of legal theory and in the philosophy and ethics of politics and law.

Keywords: philosophy of law, guilt, collective guilt, historical responsibility, responsibility, moral subject, moral agency, K.Jaspers.

Supported by Russian Science Foundation (RSF),
the project №22-28-00379
«Transformations of the Moral Agency: Ethical and Philosophical Analysis».

Уголовное право определяет вину, как субъективное отношение лица к собственному общественно-опасному деянию (действию или бездействию), его возможным или неизбежным общественно-опасным последствиям. Это определение однозначно указывает, на то, что вина является характеристикой конкретной человеческой личности, конкретного субъекта, однако наличие или отсутствие этой характеристики объективно. Сам виновный субъект и другие люди могут осознавать или не осознавать наличие у человека вины, но на её присутствие это никак не влияет. Хотя осознание или неосознание лицом своей вины, степень её осознания весьма значительно влияют на ответственность лица, о чём пойдёт речь ниже.

Таким образом, понятие вины сугубо индивидуальное. Однако в случае преступлений, совершаемых публично, особенно длительной публичной преступной деятельностью зачастую поднимается вопрос о, так называемой, «коллективной вине», тем более, этот вопрос встаёт в случае масштабных социально-исторических катаклизмов, в которых задействованы множество людей и которые приводят к многочисленным человеческим жертвам. Концепт «коллективной вины» используется также в современном политическом дискурсе. Важно отметить, что для обоснования реальности такой вины часто прибегают к помощи морали.

Таким образом, актуальность нашей статьи определяется современной социально-политической практикой, а рассматриваемые вопросы имеют несомненное теоретическое и прикладное значение как в области теории права, так и в философии и этике политики и права.

Задачи статьи — рассмотреть понятие о «коллективной вине» с точки зрения двух основных нормативных систем социума — права и мо-

рали, а также наметить пути решения вопросов, возникающих в связи с использованием этого понятия.

Как известно, уголовное право выделяет четыре формы вины: две умышленных (прямой и косвенный умысел) и две неосторожных (преступное легкомыслие и преступная небрежность). Уголовная ответственность за преступления, совершённые по неосторожности, наступает только в случаях, специально предусмотренных статьями особенной части УК РФ. Более того, бездействие с косвенным умыслом трактуется как преступное только в случае несоблюдения определённых установленных правил или обязанностей, в частности ответственность за оставление в опасности, наступает только в случае, если лицо было обязано заботиться о потерпевшем или само поставило его в опасное положение¹.

Означает ли отсутствие уголовной ответственности, а следовательно, и вины в уголовно-правовом её понимании, в выше указанных случаях отсутствие вины вообще, хотя бы моральной? Как представляется, безусловно, нет. Если мы обратимся к гражданско-правовым отношениям, то во всех этих случаях вина и гражданско-правовая ответственность будут присутствовать, более того, в отдельных случаях вина презюмируется (например, в случае производств повышенной опасности). Гражданский кодекс РФ обязывает лицо, нарушившее обязательства, доказать свою невиновность².

Однако и в данных ситуациях любая вина индивидуальна, как и её осознание, но вместе с этим они объективны. Из объективности вины и вытекает проблема, которая заключается в том, что независимо от осознания своей вины виновным лицом или виновными лицами, она воспринимается, осознаётся, устанавливается, доказывается, а в случае очевидности и некоторых иных ситуациях, презюмируется другими

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 18.03.2023) ст.24-26, 125.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 16.04.2022) ст.401 п.2-3; Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 08.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022) ст. 1079.

лицами. В случае юридической вины проблема решается просто — наступает юридическая ответственность, независимо от осознания лицом установленной вины, более того не осознание и непризнание установленной вины фактически выступает какотягчающее обстоятельство.

Намного сложнее с виной моральной, которая установлена другими людьми или очевидна для них. Интуитивно, мораль требует от человека ответственного отношения к тому, что происходит вокруг него, если он к этому причастен. Именно в таких случаях и ведётся речь о «коллективной вине» социального окружения или каких-либо социальных групп, которая выступает как метафора объективной моральной вины всех её представителей. Безусловно, моральная вина не может влечь юридическую ответственность, однако, понятие ответственности шире юридической её формы [4].

Однако с пониманием коллективной моральной вины далеко не все однозначно.

Может быть выделено два аспекта проблемы: что имеется в виду под «виной» и возможна ли она как «коллективная».

Действительно, обсуждаемая проблематика была введена в этику XX в. в формулировке коллективной «вины» (К.Ясперс). Данное представление связано с христианским учением о вине и первородном грехе, который, как раз, не только является коллективным, но не требует от лица никакой самостоятельной активности, чтобы стать виновным. Очевиден и политический подтекст этого понятия. Как результат — слово «вина» становится метафорой. Она как бы ссылается на юридическую определенность вопроса, каковая, как мы видели, в отношении «коллектива» отсутствует. Таким образом, вместо термина «вина» правильнее употреблять термин «ответственность» и, соответственно, «коллективная ответственность». (Есть еще возможность рассматривать «вину» как эмоцию, нравственное чувство, и к этому мы вернемся ниже).

Современная этика предлагает концепт т.н. «моральной агентности (агентства)» (*moral agency*), который, несмотря на громоздкость

названия, позволяет прояснить возможные границы применения категории вины и ответственности в отношении к различным типам субъектности (агентности).

Кажется очевидным, что концепт коллективного субъекта не соответствует классическому представлению о субъекте. Исследование агентности как раз позволяет отойти от таких традиционных философских концептов. Однако поддержит ли оно представление о том, что субъект ответственности может быть коллективным?

Данная теория не требует признания той или иной исходной целостности морального агента и, тем более, наличия у него единой субстанции (Д. Деннет). Давая обзор современных теорий агентности, современный проponent этой теории К.Э.Химма приходит к выводу, что такие сущности, напр., как предприятия и организации не могут считаться моральными агентами. Наделение их самостоятельным статусом — юридическая фикция, и агентом — носителем ответственности будет ее директор, иной сотрудник, осуществляющий определенные действия [7, р.26-27]. К схожим выводам приходит известный исследователь категории коллективной ответственности Ян Нэрвисон — только индивидуальные агенты могут быть носителями ответственности в полном смысле этого слова [8, р.179-198].

Важно отметить, что речь идет не об опровержении возможности существования неких коллективных агентов как таковых, а в том, что они могут считаться моральными агентами, носителями ответственности. В примере с корпорацией часть сотрудников, акционеров и т.п. столкнутся с последствиями действий указанных агентов, но это едва ли сделает агентами их. В случае с коллективной ответственностью напр. народов мы предлагаем говорить о «политической фикции» их единства как агента. Они сталкиваются с последствиями решений государственных деятелей. В этом смысле можно употреблять термин «их ответственность».

Участием полноценного (не фиктивного) морального агента в «коллективной вине / ответственности» может быть описание себя как носителя такой вины, «принятие» ее на себя. В формулировке К.Ясперса: «Морально можно возлагать вину только на самого себя,

не на другого» [5, с.26-27]. Мыслитель следует в русле понимания нравственности И.Кантом, согласно которому нравственные обязанности не могут быть вменены субъекту извне.

В традиции аналитической этики наилучшим образом это описывает С. Блэкберн под именем «проективизма» [6]. Подобного рода своеобразный «обратный рессентимент» может быть одной из форм проявления основных свойств морального агента: намеренность, наличие убеждений и желаний «второго порядка» (Д. Денет), знания различия между хорошим и плохим, каковые не могут быть приписаны т.н. «коллективным» агентам.

В качестве примера приведем высказывание историка Сергея Медведева в эфире «Радио Свобода»: «У меня был... момент истины, когда я прочел еще западное издание «Колымских рассказов» Шаламова. Я понял свою экзистенциальную сущностную связь с тем, что происходило тогда (и моя семья пострадала), я понял, что я каким-то образом имею к этому отношение и должен что-то сделать»³.

Ответственность в объективном её понимании — это негативные последствия своего деяния, а в субъективном — готовность к таковым. Эти негативные последствия могут иметь вид событий и деяний других лиц, в том числе, юридических по форме, но не являющихся юридической ответственностью. Например, развод супругов имеющих несовершеннолетних детей, как правило, влечёт негативные последствия для одного или обоих из них в виде потери постоянного общения с несовершеннолетним ребёнком, выплаты алиментов, потери возможности пользоваться и распоряжаться частью имущества. Эти последствия не являются юридической ответственностью, но вполне могут трактоваться как ответственность за сам развод и деяния к нему приведшие.

В том же самом смысле коллективная ответственность может выступать негативным следствием деяний и моральной «коллективной вины» всех конкретных представителей социального окружения или

³ URL: <https://www.svoboda.org/amp/27235890.html> (Дата обращения 03.02.2023).

социальной группы. (Фундаментальной причиной «коллективной вины» и объективной коллективной ответственности, как представляется, выступает низкий уровень субъективной коллективной ответственности, то есть готовности представителей социального окружения или социальной группы осознавать свою моральную вину и получить негативные последствия своих деяний, включая бездействия (как и у супругов, доведших брак до развода, хотя иногда первым шагом к разводу является заключение брака) — но это отдельная тема).

Так называемую разделенную ответственность не следует смешивать с коллективной, так как она выступает, фактически, суммой индивидуальных ответственностей, объединенных единым деянием и/или ситуацией.

Итак, любая вина исключительно индивидуальна, «коллективная вина» это лишь метафора объективной моральной вины, всех представителей социального окружения или социальной группы, а объективная коллективная ответственность есть объективные негативные следствия деяний представителей социального окружения или социальной группы и их «коллективной вины».

Рассматриваемая проблема не является лишь теоретической контроверзой. Поможет ли применение представлений о некоей коллективной ответственности определить настоящих виновников тех или иных масштабных решений, не приведет ли это к фактическому сокрытию вины? Напомним позицию Ханны Арендт («Коллективная ответственность»): там, где виновны все, на деле не будет виновен никто. С другой стороны, некритическое распространение ответственности на всех членов некоего коллектива, без выяснения меры участия каждого, противоречит принципу «честности» (fair) и приведет к деградации институтов справедливости [9, p.351-355].

Несколько заключительных замечаний. Чувство вины и осознание вины — одно ли это и то же? Представляется, что нет. Осознание вины предполагает, что её наличие объективно и доказано, а чувство вины субъективно и может существовать даже при отсутствии объективной вины. Однако и осознание вины, и чувство вины строго индивидуальны, поскольку субъективны хотя бы частично, и не могут быть

коллективными. В то же время, представления о коллективном осознании вины и коллективном чувстве вины могут использоваться как метафоры. Соответственно, следует вывод, что мы не вправе требовать коллективного осознания вины или коллективного чувства вины ни от какой группы людей, даже от преступной группы, вина которой доказана. Тем более, нельзя требовать осознания вины и чувства вины ни от какого представителя той или иной группы, на основании «коллективной вины», об отсутствии объективности которой сказано выше. Требовать чувства вины, осознания и признания вины может потерпевший, обвинение же и суд вправе ожидать такового, но не требовать, от конкретного физического лица, вина которого доказана. Мы говорим «ожидать», а не «требовать», потому что с юридической точки зрения обвиняемый не обязан признавать свою вину (что не мешает исполнению приговора), при том что — наоборот — её признание не может выступать основой доказательством вины, хотя может быть смягчающим вину обстоятельством.

Наконец, можно вспомнить еще о чувстве невинности, непричастности, вопрос о котором мы оставляем за пределами нашего текста. Является ли оно естественным и морально оправданным для лица, чье деяние прямо или косвенно, виновно или невинно причинило вред другим? Представляется, что нет. Когда же мы сталкиваемся с лицом, испытывающим чувство невинности, непричастности, но объективно относящимся к группе, чьи представители умышленно причиняют вред другим, можно поставить вопрос об аморальной социальной безответственности.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 16.04.2022).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 08.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022).

3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 18.03.2023).
4. Философия ответственности / под ред. Е.Н. Лисанюк, В.Ю. Перова. СПб.: Наука, 2014.
5. Ясперс К. Вопрос о виновности. О политической ответственности Германии. М.: Прогресс, 1999.
6. Blackburn S. Essays in Quasi-realism: a Defense of Quasi-realism as Applied to Ethics. New York — Oxford: Oxford University Press, 1993.
7. Himma K.E. Artificial Agency, Consciousness, and the Criteria for Moral Agency: What Properties must an Artificial Agent have to be a Moral Agent? // Ethics and Information Technology. 2009, №11.
8. Narveson J. Collective Responsibility // Journal of Ethics. 2002, 6.
9. Walzer M. On Promoting Democracy // Ethics & International Affairs. 2008, 4(22).
10. Zimmermann M.J. Varieties of Moral Responsibility // The Nature of Moral Responsibility: New Essays. Eds. Clarke R. et al. Oxford: Oxford Univ. Press: 2015.

References

1. Grazhdanskiĭ kodeks Rossiĭskoĭ Federatsii (chast' pervaĭa) [Civil Code of the Russian Federation (Part One)], 30.11.1994 №51- FZ (ed. 16.04.2022).
2. Grazhdanskiĭ kodeks Rossiĭskoĭ Federatsii (chast' vtoraiā) [Civil Code of the Russian Federation (Part Two)], 26.01.1996 №14- FZ (ed. 01.07.2021, 08.07.2021, 01.01.2022).
3. Ugolovnyĭ kodeks Rossiĭskoĭ Federatsii [Criminal Code of the Russian Federation], 13.06.1996 №63-FZ (ed. 18.03.2023).
4. Filosofiya otvetstvennosti [Philosophy of Responsibility], ed. E.N. Lisanyuk, V.YU. Perov. St. Petersburg: Nauka, 2014.
5. Jaspers K. Vopros o vinovnosti. O politicheskoi otvetstvennosti Germanii [The Question of Guilt. On Germany's Political Responsibility]. M.: Progress, 1999.
6. Blackburn S. Essays in Quasi-realism: a defence of quasi-realism as applied to ethics. New York — Oxford: Oxford University Press, 1993.
7. Himma K.E. Artificial Agency, Consciousness, and the Criteria for Moral Agency: What Properties must an Artificial Agent have to be a Moral Agent? Ethics and Information Technology. 2009, №11.
8. Narveson J. Collective Responsibility Journal of Ethics. 2002, 6.
9. Walzer M. On Promoting Democracy Ethics & International Affairs. 2008, 4(22).
10. Zimmermann M.J. Varieties of Moral Responsibility The Nature of Moral Responsibility: New Essays. Eds. Clarke R. et al. Oxford: Oxford Univ. Press: 2015.